

С. В. Михайлова (г. Москва, Россия)

ГРАММАТИКА ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ: ДЕВИАЦИЯ ИЛИ НОРМА?

В статье поднимается вопрос о необходимости рассмотрения грамматических систем жестовых языков в контексте дихотомии *норма / девиация*. Анализируются морфологические, синтаксические и дискурсивные характеристики языков глухих, основанные на пространственно-кинетической природе жеста, иконичности и немануальных средствах. Показано, что грамматические характеристики языков глухих, часто интерпретируемые как «отклонения» от языков слышащих, на самом деле представляют собой нормативные проявления зрительно-пространственной модальности. Анализ научной литературы подчеркивает необходимость признания жестовых языков как полноценных лингвистических систем с альтернативной грамматической нормой, а их изучение способствует расширению границ общей и сопоставительной лингвистики.

Ключевые слова: *жестовый язык, грамматика жестового языка, норма и девиация, пространственная грамматика, визуально-пространственная модальность.*

S. Mikhaylova (Moscow, Russia)

GRAMMAR OF SIGN LANGUAGES: DEVIATION OR NORM?

The article raises the issue of the need to examine the grammatical systems of sign languages within the framework of the *norm vs. deviation* dichotomy. Morphological, syntactic, and discourse-level characteristics of deaf languages are

analyzed, focusing on the spatio-kinetic nature of signs, iconicity, and non-manual markers. It is demonstrated that grammatical features of deaf languages, often interpreted as "deviations" from spoken hearing languages, are in fact normative manifestations of visual-spatial modality. An analysis of scholarly literature emphasizes the necessity of recognizing sign languages as full-fledged linguistic systems with an alternative grammatical norm, and their study contributes to expanding the boundaries of general and comparative linguistics.

Key words: *sign language, sign language grammar, norm and deviation, spatial grammar, visual-spatial modality.*

Парадоксальное замечание основателя минской школы функциональной лингвистики А. Н. Степановой ложится в основу глубокого рефлексивного осмысления природы языковой нормы, указывая на диалектическую природу нормы: она существует не сама по себе, а в соотношении с тем, что выходит за ее пределы. Однако в лингвистической практике это соотношение часто оказывается искаженным: аномалия – отклонение, нарушение, диссонанс – воспринимается как нечто вторичное, патологическое, требующее коррекции. В то же время норма мыслится как статичный, универсальный эталон, ассоциируемый с линейным языком устной традиции¹. Такая установка, однако, оказывается продуктом аудиоцентричной парадигмы, в которой языки (прежде всего европейские) понимаются исключительно через призму звуковой речи, а любые структуры, не соответствующие ее логике, автоматически классифицируются как «аномалии».

Именно в этом контексте оказываются жестовые языки – естественные, зрительно-пространственные языки глухих сообществ. Грамматические особенности таких языков – нелинейность, синхронность, использование тела, лица и пространства как грамматических ресурсов – долгое время интерпретировались как «отклонения» от нормы, задаваемой звуковыми языками. Однако современная лингвистика все настойчивее утверждает: жестовая речь не «упрощенная» или «недоразвитая» форма коммуникации, а реализация полноценных языков, обладающих сложной, системной и нормативной грамматикой. Вопрос, следовательно, стоит не о девиации, а о переосмыслении самого понятия языковой нормы и отказе от модально-центричной парадигмы, в которой звучащая речь считается эталоном.

Если принять во внимание, что аномалия может быть проявлением иной нормы, то окажется, что то, что кажется «нарушением» в одной модальности, может быть высшей формой гармонии в другой. Гармония речи – это не только соответствие правилам, но и функциональная целесообразность, системная согласованность и коммуникативная эффективность [2]. В этом смысле гармония может проявляться не в линейной последовательности,

¹ Мы придерживаемся терминологической системы, предложенной Д. С. Золотухиным: за языками слышащих закрепляются термины «устный, или звуковой, звучащий, словесный язык, проявляющийся в звуковой (словесной, устной) речи» [1, с. 600–601, курсив автора].

а в синхронной артикуляции, не в словоизменении, а в пространственном позиционировании, не в интонации, а в мимике и движении глаз. Жест в языке глухих представляет собой не просто визуальный сигнал, является не простой имитацией единицы устного языка, но пространственно-кинетической формой выражения общего и существенного признака предмета или явления, то есть выражением понятия, что равнозначно слову в аудиальной речи, но реализовано в иной модальности – зрительно-двигательной [3].

Одной из ключевых характеристик жестов в языках глухих является их (жестов) *иконичность* [4] – способность к прямому, образному отражению референта, что ни в коей мере не означает примитивности или отсутствия системности. Напротив, со временем многие иконичные жесты утрачивают прямую связь с оригиналом, подвергаясь процессам *абстрагирования и конвенционализации*, становясь условными, как и слова в языках слышащих [5]. Приведем пример жеста «время»: во многих жестовых языках изначально он отражал движение стрелки часов, теперь закреплен как стандартная, условная единица, понимаемая носителями языка вне зависимости от его визуальной прозрачности. Таким образом, между иконичностью и абстрактностью жеста существует динамическое равновесие. Если чрезмерное внимание к иконичности может вести к ошибочному представлению о жестовом языке как о «недоразвитом» или «предъязыковом» средстве коммуникации, то игнорирование этой черты лишает понимания одной из фундаментальных основ его грамматической организации.

Вопросы грамматической организации жестовых языков в последние десятилетия становятся все более актуальными в рамках как лингвистики, так и социогуманитарных исследований. Особый интерес представляет сравнительный анализ структурной специфики жестовых языков и ее соотношения с традиционными представлениями о языковой норме. В научной литературе уделяется внимание вопросам изучения конститутивной нормы жестовой речи на основе корпусов различных языков [6]; построения грамматической системы жестового языка как автономной лингвистической структуры (на примере русского [7; 8], французского и американского жестовых языков [9; 10]); рассмотрению пространства не просто как технического параметра артикуляции жестов, а как фундаментальной лингвофилософской категории, активного грамматического ресурса, определяющего природу жестового языка и являющегося носителем синтаксической, семантической и прагматической информации, выполняя функции, аналогичные морфологии и синтаксису в устных языках [11].

Изучение процессов дифференциации, нормализации и автономизации, протекающих в диахронии и синхронии в жестовых языках, позволяет переосмыслить традиционные лингвистические категории, такие как *части речи, предложение, синтаксис* и пр. в контексте модальности, где линейность и словоизменение отсутствуют. В данной связи актуальна работа А. Н. Гордея [12], в которой автор критикует доминирование морфологического признака в греко-латинской классификации частей речи. Подход к изучению грамматики жестового языка, коррелирующий с исследованиями

иероглифических языков, может оказаться, на наш взгляд, весьма продуктивным. Лингвист демонстрирует, что в языках с аналитической структурой, например, в китайском, отсутствие словоизменения делает морфологический критерий неприменимым, что ставит под сомнение универсальность традиционной классификации. Семантические и синтаксические признаки оказываются размытыми, а сама концепция частей речи – неустойчивой. Ученый предлагает перейти от понятия *части речи* к более гибкому понятию *части языка* – функциональным единицам, определяемым не формой, а ролью в высказывании. Эта идея оказывается чрезвычайно продуктивной для анализа жестовых языков, где, например, один и тот же жест может выполнять функцию существительного, глагола или наречия в зависимости от контекста, пространственного позиционирования и немануальных маркеров. Так, жест «идти» может обозначать *действие* (глагол), *путь* (существительное) или *способ передвижения* (наречие) – в зависимости от движения, ритма, мимики и пр.

Эти аргументы приобретают значимость при анализе жестовых языков, где *морфологическая изменчивость* выражена иначе, чем в языках с устной традицией: не через аффиксы, а через изменение направления, амплитуды, местоположения и немануальных компонентов. В жестовых языках нет окончаний или приставок в привычном смысле, но есть пространственные морфемы, движения-модификаторы, визуальные классификаторы, выполняющие те же функции, что и морфемы в слове. На *синтаксическом уровне* жестовые языки принципиально отличаются от синтаксиса звучащих языков своей нелинейностью и синхронностью. Вместо последовательного порядка слов языки глухих используют пространственное размещение аргументов, повторение, сдвиги взгляда и немануальные маркеры (выражение лица, наклон головы) для построения предложений. Важное значение имеет топографическое пространство – условное пространство перед телом, в котором фиксируются участники дискурса, объекты и действия. Это позволяет создавать сложные нарративы с четкой логикой следования событий, не требуя линейной последовательности. Такая организация высказывания не является «нарушением» синтаксической нормы, а представляет собой *альтернативную* синтаксическую парадигму, адаптированную к визуальной модальности. На *дискурсивном уровне* грамматика жестовых языков проявляется в способах организации повествования, управления вниманием слушающего, выражения отношения говорящего к высказыванию и регулирования коммуникативного взаимодействия через изменение выражения лица, направления взгляда, ритма, темпа, дополнительную паузацию.

Таким образом, изучение и описание грамматики жестовых языков требует переосмысления традиционных лингвистических категорий. Ряд работ [13; 14; 15] и наша [16] расширяют дискуссию, выводя ее за пределы исключительно лингвистического анализа, подчеркивая социокультурное измерение языков глухих и слабослышащих. Авторы указывают, что признание жестовых языков напрямую связано с вопросами инклюзии, доступности образования и языковых прав глухих. Эти позиции перекликаются

с Указом Президента Российской Федерации об утверждении «Основ государственной языковой политики Российской Федерации (№ 474 от 11.07.2025)» о поддержании развития русского жестового языка [17; 18], чья нормативность признается уже не только на научном, но и на правовом уровне.

Осмысление грамматической «нормальности» жестовых языков требует отказа от этноцентричного взгляда на язык и перехода к модально-нейтральной лингвистике, где критериями полноценности становятся не соответствие привычной грамматике звучащих языков, а системность, продуктивность, коммуникативная эффективность и автономия. Жестовые языки расширяют наше понимание того, что значит быть языком – вне зависимости от того, *звучит* он или *видится*: язык – это не только звук, но и движение, не только линия, но и пространство, не только слово, но и жест. И в этом многообразии проявляется подлинная норма человеческой коммуникации. Более того, глубокое понимание грамматики конкретного жестового языка, возможно, открывает путь к пониманию всех жестовых языков в целом, поскольку несмотря на лексические и региональные различия, все жестовые языки разделяют общие принципы организации (использование пространства, синхронность, иконичность, классификаторы, немануальные маркеры и т. д.).

Изучая каждый отдельный жестовый язык как полноценную, автономную систему, мы приближаемся к универсальным принципам визуально-пространственной коммуникации, которые могут стать основой для формирования общей теории жестовых языков, а следовательно и для расширения границ лингвистики, к признанию многообразия форм языка и к построению более инклюзивной, модально-нейтральной картины языковой природы человека. В конечном счете, только понимая, что норма может существовать в разных модальностях, мы сможем преодолеть стигму девиации и признать жестовые языки как равноправные, нормативные и гармоничные формы человеческого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотухин, Д. С. Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций / Д. С. Золотухин // СибСкрипт. – 2024. – Т. 26, № 4 (34). – С. 597–606. – DOI: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-597-606>.
2. Евчик, Н. С. Аномалия в языке, гармония в речи: каузальность сосуществования в иноязычном сознании индивида / Н. С. Евчик // Аномалия в языке, гармония в речи : сб. науч. ст. / редкол.: Н. Н. Бартош (отв. ред.) [др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – С. 10–17.
3. Лингвистика и грамматика русского жестового языка // Русский жестовый язык : Начала. – М. : ОнтоПринт, 2017. – С. 91–107.
4. Cuxac, C. Iconicité des Langues des Signes / C. Cuxac // Faits de langues. – 1993. – № 1. – Р. 47–56. – DOI: <https://doi.org/10.3406/flang.1993.1034>.

5. La langue des signes. Introduction à l'histoire et à la grammaire de la langue des signes. Entre les mains des sourds / B. Moody, A. Vourc'h, M. Girod [et al.]. – T. 1. – Paris: Éditions IVT, 1998. – 208 p.
6. Sourds et langues des signes : norme et variations // Langage et société. – 2010. – № 131. – URL: <https://shs.cairn.info/revue-langage-et-societe-2010-1?lang=fr> (date of access: 27.07.2025).
7. Королькова, О. О. Концепция построения грамматической системы русского жестового языка (к постановке проблемы) / О. О. Королькова // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 226–233.
8. Королькова, О. О. Традиции русской грамматики и грамматика русского жестового языка / О. О. Королькова // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 8–7. – С. 69–71.
9. Tournadre, N. Une approche typologique de la langue des signes française / N. Tournadre, M. Hamm // TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. – 2018. – № 34. – URL: http://journals.openedition.org/tipa/2568_ (date of access: 27.07.2025).
10. Miniac, T. de Langue des signes et linguistique comparée : vue d'ensemble de l'ASL et de la LSF / T. de Miniac // Glossa. – 2016. – № 119 (72–79). – URL: <https://www.glossa.fr/index.php/glossa/article/view/626> (date of access: 27.07.2025).
11. Борисова, Л. В. Пространство в жестовых языках как лингвофилософская категория / Л. В. Борисова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (14). – С. 37–41.
12. Гордей, А. Н. Части языка вместо частей речи / А. Н. Гордей // Язык. Глагол. Предложение. – Смоленск: СПГУ, 2000. – С. 258–271.
13. Delamotte-Legrand, R. Une rencontre à bâtir : didactique des langues et des cultures et langues des signes / R. Delamotte-Legrand // Lidil. – 1997. – № 15. – Р. 83–99.
14. Денисенко, Р. Л. Жестовый язык глухих и его потенциал в инклюзивных академических практиках / Р. Л. Денисенко, Д. А. Денисенко, Н. И. Басина // Человек и социальные обязательства: контуры, феномены, вызовы. – Ростов-н/Д: ДГТУ-ПРИНТ, 2014. – С. 133–139.
15. Михайлова, И. В. Язык жестов как средство общения // Развитие языковой образовательной среды современного вуза / И. В. Михайлова, А. С. Козлова. – Томск: ТГАСУ, 2020. – С. 121–129.
16. Михайлова, С. В. Услышать неслышащего: жестовые языки как фактор развития диалогового мышления общества / С. В. Михайлова // Язык, культура, социум: *essentia et existentia*. – М. : Книгодел, 2023. – С. 129–137.
17. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/00012025071-10017> (дата обращения: 27.07.2025).
18. В России поддержат развитие русского жестового языка // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20250711/rossija-2028689926.html>. – Дата публ.: 11.07.2025.